

21 АПР 1981

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. МОСКВА

Я КУЛЬТУРА

концертный зал

ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА

Недавно народный артист СССР Борис Штоколов дал несколько концертов в крупнейших залах столицы, в которых пел старинные русские романсы и песни. Пел, как всегда, с совершенной вокально-артистической свободой, с той увлеченно-радостной раскованностью, которая в нем так естественна и потому так пленительна.

В исполнительском творчестве наших дней Борис Штоколов — явление самобытное и в некотором смысле символическое. Оно значительно больше, чем просто хорошее пение, хороший голос, воспитанный в лучших традициях национальной академической школы. Ведь когда мы говорим о русском пении, мы неизбежно выходим за пределы вокала и вторгаемся в сферы чистейшей поэзии. Потому что только через нее можно понять то главное, чем славна наша певческая муза. Как и поэзия, пение наше исходит из того же романтического притяжения жизни, народной философии, этики и эстетики, которые утверждают: труд, быт, все житейские заботы — это только половина жизни, другая ее половина — песня. Вспомним есенинское «Жизнь моя за песню продана».

Борис Штоколов — певец, все очарование которого зиждется на самой что ни на есть поэтической основе, на тех неподдающихся анализу соединениях ума, сердца и собственно музыкального таланта, во власти которых настуж ли распахнуть артисту двери в каждую живую душу или, напротив, захлопнуть их, оставив его в трагическом одиночестве.

Певец — питомец северных равнин, природы не яркой, не броской, как бы подернутой, притуманенной грустью. Колорит суров, сдержан. Но в этой сдержанности, раздумчивой тоске, кажущейся унылостью есть что-то невыразимо прекрасное, манящее скрытой силой («то разгулье удалое, то сердечная тоска»), в нем видится и слышится какое-то древнее богатство Руси. И разве не из нашего восторженного чувства к Ро-

дине расцветают все наши поэтические сны?

Поразительно, с какой достоверностью, истинно художнической хваткой запечатлела наша природа свой облик, все в ней сущее в голосе Штоколова. Голос — лавина. Дыхание великанское. Грудь — вечевой колокол. А душа томится в невысказанности, молит о простом человеческом счастье. В контрасте силы и нежности — феномен необычайной притягательности штоколовского пения. Этот могучий бас, которому под стать любой героический, эпический характер, именно в лирическом жанре достигает едва ли не наивысшей выразительности.

Как далек наш артист от того, чтобы «проповедовать» свою богатырскую певческую природу, служить ложной идее величия. Всю мощь дарованного ему таланта он возложил на алтарь служения правдивой красоте. Его кантилена — чудо русской вокальности. Все в этом голосе обозначено счастливейшей певческой судьбой, на огромном диапазоне ни единой «помехи». Но замечательны в этом пении, конечно, не голос сам по себе, не вокальная техника, хотя она и достойна восхищения, а то, что они излучают, когда преломляются через призму его человеческого, артистического естества. Поразительно умение артиста создавать в зале атмосферу дорогих, особой духовной ценности мгновений, пережитых каждым в зале, — далеких и близких, забытых и воскресших. Штоколов поет будто для близких задушевных друзей — самозабвенно, исповедально. Гликинские начала здесь несомненны.

«Гори, гори, моя звезда...» — если бы певец исполнил в концерте только один этот романс, воспоминаний хватило бы на всю жизнь. Вы прикованы к этому голосу — и мужественному, и нежному, к этим словам — «гори», «заветная», «волшебная»... Как он их выговаривает — будто дарит, как драгоценности. И так шедевр за шедевром: «О, если б мог выразить в звуке», «Утро туманное, утро седое», «Я вас любил», «Выхожу один я на дорогу», «Ямщик, не гони лошадей», «Очи черные». Никакой фальши — ни в звуке, ни в слове. Как в сказках о чародеях, в чьих руках простой камень становится алмазом, каждое прикосновение голоса Штоколова к музыке, к слову рождает то же чудо. В горниле какого вдохновения он творит свою правду русской музыкальной речи? А неисчерпаемая в нем русская равнинная распевность — какими верстами измерить ее даль и ширь?

Василий БАЛАШОВ,
и. о. профессора
Московской консерватории.